

МІЯНКАЛЬ И ЗАРАВШАНСКАЯ ДОЛИНА.

(ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ).

Глава I.

Дауль.—Каты-Курганъ.

В параллельно рѣкѣ Заравшану протянулась линия средне-азіатской желѣзной дороги. Съ шумомъ, будя окрестности, показывался иногда на горизонтѣ поѣздъ, скрывавшійся затѣмъ въ облакахъ пыли, поднятой съ полотна его быстрымъ движеніемъ.

Мы подъѣзжали къ кишлаку Даулу, виднѣвшемуся невдалекѣ и утопавшему въ густой зелени садовъ.

Въ серединѣ вся площадь была покрыта людьми и лошадьми, образовавшими густую толпу, среди которой, по оставшемуся свободному пространству въ видѣ широкой улицы, безостановочно взадъ и впередъ развѣзжали всадники, подгоняя и горяча своихъ лошадей. Тутъ же, присѣвъ на корточки и ожесточенно споря и хлопая другъ друга по рукамъ, сидѣли узбеки и киргизы, продавая и покупая коней.

Мы попали въ день коннаго базара, бывающаго каждую недѣлю въ Дауль, куда изъ сосѣднихъ киргизскихъ волостей приводятъ на продажу массу лошадей. Торгъ продолжается страшно долго. Набавляя по нѣсколько пуль и разложивъ передъ собою цѣлую кучу серебряныхъ денегъ, покупатель порою пересыпаетъ ее руками. Два свидѣтеля сдѣлки старательно уговариваютъ продать

и сбавить цѣну, иногда, въ цѣляхъ скорѣйшаго совершенія сдѣлки, беря продавца за бороду и потягивая довольно крѣпко за волосы.

— Зачѣмъ за бороду берутъ, Пуретдинъ?

— Глупый народъ, тюра; больно станетъ—скорѣй отдастъ лошадь. И деньги для того же пересыпаетъ—захочетъ имѣть пхъ и уступить. Если не выпнуть деньги и не показать, никто не продастъ.

Присѣвъ подъ навѣсомъ чай-хане и закусывая туземными слоеными пирогами съ фаршемъ изъ мяса съ лукомъ и немѣрнымъ количествомъ перца, я засмотрѣлся на эту шумную толпу.

Рѣзкій крикъ во дворѣ караванъ-сарая заставилъ подняться и посмотреть, что случилось. Нѣсколько человѣкъ окружили высокаго черноборода купца, который, гримасничая отъ боли, растиралъ сильно вспухнувшую ногу.

— Что такое? Почему кричалъ?.. Саль спрашивать Пуретдинъ, окончательно усвоивъ себѣ тонъ начальствующаго лица.

— Скорпионъ кусаль. Очень больно, отвѣтилъ одинъ изъ толпы. Это купецъ изъ Самарканда, богатый бай.

— Чего же онъ кричалъ, какъ зарѣзанный? слышался чей-то голосъ изъ толпы.

— Я думаль человѣкъ человѣка рѣзаль, разочарованно вздохнулъ другой.

— Да, не хорошо такъ кричать и людей безпокоить, подтвердилъ старикъ купецъ, занимая слѣва мѣсто рядомъ со мною и принимаясь за оставленное на минуту блюдо съ пловомъ.— Въ старину такъ не дѣлали и изъ за пустяковъ не кричали на весь базаръ. Я знаю, что, когда халифъ Саидъ призвалъ однажды начальника войскъ эмира Али-Мугтадша и сталъ разговаривать съ нимъ, въ это время скорпионъ, забравшись подъ халатъ, сталъ жалить храбраго эмира, который не подалъ даже и вида и лишь искривившееся его лицо указало на сильную боль, имъ испытываемую. И въ семи мѣстахъ укусилъ его скорпионъ и семь разъ лишь скривилось лицо эмира. Когда же скорпионъ вылѣзъ черезъ рукавъ и упалъ на землю, то халифъ, долго наблюдавшій за выраженіемъ лица эмира и узнавшій причину, сказалъ: «О храбрый! Зачѣмъ же ты не сбросилъ сейчасъ же злое животное, зачѣмъ подвергалъ себя мукамъ?».

Почтительно посмотрѣлъ Али-Мугтадша въ глаза намѣстнику пророка и отвѣтилъ: «Если слуга въ присутствіи своего господина не можетъ перенести нѣсколькихъ ударовъ хвоста скорпиона, то какъ же онъ перенесетъ удары мечей въ его отсутствіи?».

И радовался халифъ, что имѣть такого слугу.

До кишлака Чамбая дорога пролегаетъ по лѣвому берегу арыка Кара-Дарьи, являющагося въ сущности притокомъ Заравшана, снабжающаго водою все Бухарское ханство, которое такимъ образомъ находится въ полной зависимости отъ Россіи, такъ какъ непропускъ воды въ низовья Заравшана равносильно обреченію всей этой части Бухарскаго ханства на превращеніе въ пустыню.

Ежегодный сбросъ всѣхъ излишнихъ для населенія Самаркандской области водъ Заравшана считается поэтому праздникомъ въ бекствахъ Бухары, расположенныхъ по этой рѣкѣ.

— Въ кишлакъ Чамбай надо перековать лошадей, подковы ослабли, заявилъ Нуретдинъ. — Хотѣлъ я въ Самаркандѣ все сдѣлать да не успѣлъ — больно много тюра меня посылалъ во всѣ мѣста.

Остановившись на базарѣ, я присѣлъ около какой то лавки, наблюдая, какъ туземный кузнецъ, взявъ кусокъ мягкаго желѣза и, не подвергая его нагрѣву, началъ выдѣлывать подкову, выбивая ее молоткомъ на маленькой наковальнѣ. Громадныхъ размѣровъ изогнутый серпомъ копытный ножъ имѣлъ скорѣе вилъ какого то земледѣльческаго орудія.

Совершенно не считаясь со строеніемъ копыта, мѣстный искусникъ обрѣзалъ самымъ безжалостнымъ образомъ роговыя части копыта и подковалъ лошадей толстыми и грубыми гвоздями. Вся работа производилась до нельзя примитивно и было видно, что кузнечное искусство стоитъ у туземныхъ мастеровъ не на очень высокомъ уровнѣ.

За Чамбаемъ виднѣются развалины старыхъ крѣпостей Яни-Кургана, Яр-Кургана и Каты-Кургана. Судя по расположенію ихъ въ сравнительно далекомъ другъ отъ друга разстояніи, онѣ видимо закрывали собою нижнюю часть Заравшанской долины, ограниченную съ юга отрогами Аксаль-Тау, а съ сѣвера Нуратинскими горами и хребтами Акъ-Тау и Кара-Тау.

Мѣста эти особенно интересны для насъ, такъ какъ въ 1868 г., послѣ занятія Самарканда русскими войсками, бухарскій эмиръ все-же не хотѣлъ признать этого факта, рѣшивъ собрать новую армію для отраженія русскихъ. Устроивъ временно свою резиденцію въ кишлакъ Миръ за Каты-Курганомъ, онъ спѣшно сталъ собирать свои войска и, занявъ позицію на высотахъ близъ Зерабулака, снова началъ военныя дѣйствія. Шайки туркменъ, узбе-

ковъ и киргизовъ, какъ тучи стали собираться къ Каты-Кургану со всего ханства и подъ начальствомъ своихъ предводителей начали почти ежедневно тревожить русскую линію, дѣлая набѣги въ окрестности Самарканда.

Рѣшивъ безповоротно закончить дѣло завоеванія Бухарскаго ханства, генералъ Кауфманъ двинулъ тогда отрядъ подъ начальствомъ генерала Головачева въ составѣ 14 ротъ пѣхоты, 8 орудій и 4 казачьихъ сотенъ по направленію къ Бухарѣ.

Каты-Курганъ, считавшійся неприступною крѣпостью, имѣлъ многочисленный гарнизонъ, но предыдущія пораженія бухарцевъ не прошли даромъ. Слухи о силѣ и храбрости русскихъ уже облетѣли всѣ базары, а справедливость и гуманное обращеніе съ населеніемъ завоеванныхъ мѣстъ привлекли къ нимъ сердца мирныхъ жителей. Эти причины посяjali среди гарнизона и жителей Каты-Кургана такое недовольство, что, при приближеніи русскаго отряда, крѣпость отворила ворота и сдалась на милость побѣдителя безъ боя.

Въ настоящее время Каты-Курганъ представляетъ собою уѣздный городъ Самаркандской области, весь утонувшій въ зелени густыхъ садовъ. Желѣзная дорога въ значительной степени оживила этотъ край. Широкія улицы города, въ которомъ большую часть русскаго населенія составляютъ войска и военные, имѣетъ своеобразный видъ, дѣлающій его мало похожимъ на улицы уѣздныхъ городовъ Европейской Россіи. Нѣсколько хлопчато-очистительныхъ заводовъ и желѣзнодорожный вокзалъ со своими постройками, а дальше тянутся улицы съ казеннаго типа зданіями, въ которыхъ помещается уѣздное управленіе, казначейство и стрѣлковый баталіонъ. Отбивая шагъ, по пыльной дорогѣ показалась одна изъ ротъ, съ пѣснями возвращавшаяся съ ученья. Бѣлыя рубахи, красныя кожанья чамбары и темныя загорѣлыя лица солдатъ значительно отличали туркестанскихъ стрѣлковъ отъ войскъ внутренней Россіи.

Солнце стояло уже низко; гдѣ то въ сторонѣ, за деревьями густого сада, послышалась военная музыка и, будто будя окрестности и перегоня другъ друга, понеслись меланхоличныя звуки вальса.

— Сегодня въ саду музыка. Можетъ быть хотите посмотреть? спросилъ меня лавочникъ, въ лавку котораго я зашелъ. Здѣсь можно прогуляться, если угодно. У насъ для русскихъ входъ не возбраняется.

Небольшой садъ производилъ впечатлѣніе особой унылости. Нѣсколько дамъ, гулявшихъ съ офицерами, да куча дѣтей представляли собою давно знакомую картину туркестанскихъ увеселеній.

Сбоку откуда-то слышался стукъ билліардныхъ шаровъ и звуки откупориваемыхъ бутылокъ.

Г л а в а II.

Міянкаль.

Высокій, красивый капитанъ стрѣлковаго баталіона подошелъ ко мнѣ.

— Кажется знакомы? заговорилъ онъ.—Помните, въ Ташкентѣ встрѣчались?

Я обрадовался, узнавъ симпатичнаго капитана N.

— Какъ поживаете? спросилъ я его, усаживаясь на скамеечку.

— Ничего. День да ночь и сутки прочь. Сами знаете туркестанжизнь въ маленькихъ городахъ. Живемъ... «И записываемъ и прописываемъ мѣломъ, такъ всегда занимаемся мы дѣломъ». Ну, разумѣется, рота, занятіе, а дальше слоняемся и не знаемъ, куда себя опредѣлить. Другъ другу всѣ надоѣли порядочно. Изрѣдка въ Самаркандъ попадешь, тамъ на людей посмотришь. Охоты хорошія по Заравшану и въ горахъ.

— А по Ташкенту не скучаете?

— Правду сказать, не особенно. Тамъ слишкомъ все оффиціально, натянуто. А здѣсь и люди теплѣе и отношенія проще, а самая жизнь среди чуждой народности интереснѣе.

— Вѣдь вы, сколько помню, занимались археологіей?

— Да, и въ этомъ отношеніи здѣсь огромное непочатое поле для археологическихъ изслѣдованій. Жаль только, что средствъ нѣтъ производить раскопки. Вокругъ вездѣ развалины крѣпостей, городовъ и могильники. Край, пережившій въ прошломъ періодъ высокой древней культуры! Здѣсь въ горахъ, по сосѣдству, указываютъ городище, гдѣ, по преданію, стоялъ храмъ съ идолами. Остатки капителей, карнизовъ, кирпича, указываютъ на то, что зданіе было большое. Если при этомъ вспомнить, что въ первые вѣка во всей долинѣ Заравшана процвѣталъ буддизмъ, то надо думать, что храмъ относится къ этому періоду.

По нѣкоторымъ источникамъ извѣстно, что одна изъ дочерей китайскаго богдыхана изъ династїи Ганъ вышла замужъ за Тархана Великаго Согда, причемъ изъ Китая привезла съ собою золотыхъ идоловъ и устроила гдѣ-то въ горахъ храмъ. Кромѣ того, идола же были поставлены въ древнемъ городѣ Раметинѣ.

Недалекъ находится также мѣсто сраженія войскъ Шейбани и Бабуръ-Хана. Небольшихъ же крѣпостей-мазаровъ и робатовъ не перечесть въ окрестностяхъ: онѣ разбросаны по всѣмъ дорогамъ. Въ этомъ отношеніи Аббулахъ-ханъ, царствовавшій въ XVII вѣкѣ, оставилъ по себѣ замѣчательную память, построивъ по всему ханству болѣе 2 тыс. различныхъ зданій въ видѣ крѣпостей, бань, робатовъ. Древнія же ирригаціонныя сооруженія въ видѣ колоссальныхъ каналовъ, запрудъ и арыковъ вызываютъ невольное удивленіе нашихъ инженеровъ.

Поужинавъ въ военномъ собраніи, мы двинулись послѣ полуночи къ Зерабулаку. Ночь была лунная и серебристый свѣтъ луны красиво освѣщаль всё окрестности.

Будто серебряной казалась вода, струившаяся въ широкомъ арыкѣ. Полная тишина царствовала вокругъ и лишь топотъ конскихъ копытъ гулко раздавался среди ночи.

Было порядочно холодно и кое-гдѣ небольшія лужи, покрытыя тонкимъ слоемъ льда, блестяли и искрились при свѣтѣ луны.

За Каты-Курганомъ уже начинались бухарскія владѣнія, граница которыхъ на дорогѣ была отмѣчена особыми пограничными столбами, проѣхавъ которые мы вступили снова на территорію вассальнаго государства, механически связаннаго съ Россіей и живущаго поэтому своею особою жизнью.

Здѣсь земля Великаго Согда кончилась и началась древняя область Міанкаль съ главнымъ городомъ Кермине. Влѣво отъ дороги виднѣлись невысокія предгорья, на которыхъ бухарская армія потерпѣла полное пораженіе, закончившее собою длинный рядъ побѣдъ русскихъ войскъ во время движенія къ Бухарѣ отряда генерала Головачева. Разбитый на голову эмиръ, оставленный своими по большей части разбѣжавшимися войсками, боясь въ то-же время за свое положеніе, благодаря начавшемуся возстанію, поднятому наслѣдникомъ престола, Абду-Маликъ-халифомъ, заключилъ миръ съ русскими. Отрядъ подполковника Абрамова у Джама разбилъ войска наслѣдника и, такимъ образомъ, военныя дѣйствія въ этой части были закончены, а Бухара, оставшись самостоятельной, продолжала затѣмъ существовать уже въ качествѣ вассальнаго государства.

Длинный караванъ верблюдовъ, медленно двигавшійся подорогѣ, казался какою-то аномалією, съ одновременно раздавшимся шумомъ поѣзда, шедшаго въ Самаркандъ.

— Куда идутъ? Спроси ихъ, Нуретдинъ.

— Пейшамбе, а потомъ въ Нурата. Туда еще урусы свою шайтанъ-арба не построили, отвѣтилъ караванъ-бомъ, спдѣвшій на переднемъ верблюдѣ.—Чтобъ на томъ свѣтѣ шайтанъ взялъ души гяуровъ за то, что они лишаютъ насъ хлѣба!

Пейшамбе, лежащій недалеко къ сѣверу, на главномъ рукавѣ Заравша, на пользуется извѣстностью, какъ одинъ изъ значительныхъ населенныхъ пунктовъ уѣзда, черезъ который пролегаетъ дорога на древній бухарскій городъ Нуръ-ата, являющійся мѣстомъ паломничества богомольныхъ мусульманъ, чтущихъ могилы святыхъ, похороненныхъ тамъ. Лежа за хребтомъ Кара-тау, въ долинѣ между этими горами и Нуратинскимъ хребтомъ, городъ Нурата прежде былъ значительною крѣпостью, защищавшей Бухару съ сѣвера отъ набѣговъ киргизскихъ и туркменскихъ шаекъ, а потому и имѣлъ сильныя укрѣпленія, пришедшія въ разрушеніе въ послѣднее время, съ окончаніемъ войны съ Россією. Старинныя постройки мечетей и мазаровъ, какъ можно предполагать, построены были въ мѣстности, извѣстной еще въ домагометанскій періодъ и представлявшей, надо полагать, мѣсто, гдѣ находились послѣдовательно одинъ за другимъ храмъ парсовъ, буддійскій монастырь и христіанская церковь.

Такимъ образомъ, на развалинахъ храмовъ предыдущихъ религій созидались храмы послѣдующихъ, пользуясь для этого извѣстнымъ населенію мѣстомъ, въ святость котораго всѣ привыкли издавна вѣрить. Нельзя не вспомнить, что древняя Индія являлась мѣстомъ, гдѣ создался первыя религіозныя системы и откуда онѣ постепенно распространялись на западъ и востокъ. По словамъ Платона, религія Греціи взята изъ Египта, а послѣдній получилъ ее также съ Востока и, такимъ образомъ, мифологія древней Греціи пришла цѣликомъ изъ Индіи, а греческіе боги, получивъ лишь національныя названія, особыя въ Египтѣ и Греціи, являются въ сущности тѣми-же самими богами Индіи; отсюда, постепенно двигаясь на западъ, германскія, славянскія и скандинавскія племена принесли свои вѣрованія въ Европу.

По изслѣдованіямъ, произведеннымъ ученымъ Пококомъ, со-общеннымъ имъ въ замѣчательной его книгѣ «Индія въ Греціи», есть всѣ данныя предполагать, что боги всѣхъ вышедшихъ изъ Индіи племенъ были героями этихъ народовъ, жившихъ во времена сѣдой старины. Въ настоящее-же время, при изученіи названій многихъ мѣсть Индіи, они оказываются совершенно одинаковыми съ европейскими, причемъ встрѣчается особенно много славян-

скихъ именъ, а нѣкоторыя сказки и легенды почти слово въ слово такія же, какъ у славянъ. Даже легенда о Георгіѣ Побѣдоносцѣ и пораженіи имъ змѣя повторяется у всѣхъ народностей запада и востока, имѣя самые незначительные варианты лишь въ отношеніи именъ и мѣстъ.

Вправо отъ дороги лежитъ Хатырчинское бекство съ небольшимъ городкомъ Хатырчи. Обиліе воды въ этихъ мѣстахъ даетъ возможность населенію широко заниматься земледѣліемъ, хотя въ то же время ему приходится вести упорную и безпощадную борьбу съ главнымъ врагомъ посѣвовъ—саранчей, иногда уничтожающей всѣ труды землепашцевъ въ теченіе двухъ-трехъ дней. Выведясь въ пустынныхъ мѣстахъ горныхъ хребтовъ, саранча спускается въ долины и разомъ, въ короткое время, сѣдаетъ посѣвы, а затѣмъ, заложивъ свои яички, улетаетъ дальше. Количество появляющейся саранчи бываетъ такъ велико, что, покрывъ толстымъ слоемъ болѣе четверти все полотно желѣзной дороги, она даже препятствуетъ движенію поѣздовъ желѣзной дороги, которые, не будучи въ состояніи двигаться по этой жирной маслянистой массѣ, буксуютъ колесами на мѣстѣ.

Большой кишлакъ Миръ, окруженный со всѣхъ сторонъ хлопковыми полями, съ которыхъ только что былъ снятъ хлопокъ, весь, казалось, былъ заваленъ кучами гузы ¹⁾, лежавшими на всѣхъ улицахъ и дворахъ, придавая имъ издали видъ покрытыхъ сугробами снѣга. Во многихъ мѣстахъ сквозь открытыя двери видѣлись туземцы, работавшіе надъ очисткою ваты отъ сѣмянъ. Сидя на корточкахъ и вертя ручку, они пропускали между двумя вращавшимися деревянными валиками хлопокъ, въ видѣ хлопьевъ проходившій сквозь нихъ, причемъ твердыя сѣмена падали отдѣльно не проходя между валиками.

Доставляя ежегодно до 1½ милліоновъ пудовъ хлопка, Бухара, въ силу этого, можетъ разсматриваться, какъ одна изъ важнѣйшихъ мѣстностей для его культуры и единственно лишь приходится пожалѣть о томъ, что бухарскій хлопокъ по своимъ качествамъ значительно хуже американскаго, давая при среднемъ урожаѣ отъ 70 до 100 пуд. съ десятины; культура хлопка является, благодаря всегдашнему спросу и опредѣленности цѣны на него, особенно заманчивою.

— Хлопкомъ только и живемъ, съ любовью поглядывая на огромную его кучу, весело рассказывалъ старикъ, владѣлецъ караванъ-сарая, гдѣ мы остановились въ Мирѣ на отдыхъ. Посмотри,

¹⁾ Гуза—неочищенный хлопокъ.

тюра, когда его бываетъ много, то у всѣхъ сердце радуется и всѣ лица довольны, тогда у насъ въ Мирѣ никого не увидишь скучнымъ. Только одно плохо, задумался онъ на минуту. Урусъ сѣютъ около Самарканда лучшей сортъ—американскій и получаютъ поэтому большіе урожаи.

— Такъ отчего-же вы не купите тамъ такія же сѣмена и не посѣете ихъ у себя? удивился я.

— Ахъ, тюра, нельзя; у васъ вѣдь люди живутъ иначе. А у насъ, и онъ боязливо оглянулся, начавъ говорить шепотомъ; у насъ, когда поспѣетъ хлопокъ на поляхъ, надо долго ждать, чтобы пріѣхалъ амлякдаръ и оцѣнилъ урожай. Вѣтры же степей сердиты; за это время они унесутъ съ американскаго хлопка всю вату и останутся одни коренья. Нашъ же хлопокъ крѣпкій: онъ цѣлые вѣка росъ на бухарской землѣ и находясь въ родствѣ съ вѣтрами ихъ не боится.

Невольно пришлось задуматься надъ этими словами. Дѣйствительно, благодаря существующей въ бухарскихъ владѣніяхъ системѣ сборовъ, населеніе оказывается лишеннымъ возможности сѣять высокіе сорта американскаго хлопка, вслѣдствіе чего общій валовой доходъ страны отъ его культуры достигаетъ при посѣвахъ бухарскаго хлопка до 7 милліоновъ рублей, тогда какъ засѣвъ той же площади американскимъ могъ бы легко увеличить эту цифру до 20 мил. рублей, улучшивъ въ огромной мѣрѣ общую производительность страны и благосостояніе населенія.

Сидѣвшій тутъ же татаринъ, скупщикъ хлопка, одобрительно крякнулъ при послѣднихъ словахъ хозяина.

— Да это вѣрно. У нихъ въ Бухарѣ трудно людямъ жить. И ихъ начальство во всемъ дѣлаетъ большія стѣсненія. Вотъ хоть бы наше дѣло. Мы скупаемъ хлопокъ отъ завода. Прежде бывало они его весь очищали и потомъ уже везли на базаръ, а теперь начальство ихъ этого дѣлать не позволяетъ. И поэтому приходится сначала скупить всю гузу, а потомъ раздавать ее людямъ для очистки. И хлопотъ много и дѣло становится. Да, кромѣ того, на заводы приходится очень далеко везти въ Кермине, а строить здѣсь новаго завода не позволяютъ.

Въ числѣ странностей бухарскаго государственнаго режима и жизни принадлежитъ также своеобразный взглядъ бухарскаго правительства, не сочувствующаго развитію заводской дѣятельности, а потому и не разрѣшающаго русскимъ предпринимателямъ постройку хлопчаточистительныхъ заводовъ дальше двухъ верстъ отъ линіи средне-азіатской желѣзной дороги, а также запре-

тившаго вывозъ на базары готоваго хлопка-сырца. И крайне досадно, что на это ненормальное положеніе, тормозящее развитіе хлопковаго дѣла, не обращается рѣшительно никакого вниманія, не считаясь даже съ возможностью, путемъ настоятельнаго давленія на бухарское правительство, выговорить право постройки русскихъ заводовъ во всѣхъ мѣстахъ Бухары, гдѣ явится въ томъ надобность.

Косность и не пониманіе своихъ собственныхъ интересовъ являются характерными особенностями бухарскихъ властей, всѣми силами препятствующихъ проникновенію русскихъ внутрь Бухарскихъ владѣній.

Глава III.

Кермине.

Сплошной рядъ кишлаковъ почти на совершенно ровной долинѣ и безконечныя обработанныя поля служатъ лучшимъ доказательствомъ значительности населенія въ этихъ мѣстахъ. Кишлакъ за кишлакомъ, похожіе по внѣшнему виду другъ на друга, какъ двугривные одного чекана, остаются позади, протянувшись въ разстояніи одной-двухъ верствъ отъ линіи желѣзной дороги. Обсаженная деревьями проселочная дорога извивается между населенными мѣстами, проходя черезъ большій кишлакъ Султанъ-робать, въ сторонѣ отъ котораго лежатъ развалины стараго караванъ-сарая, носившаго въ прежнее время названіе робата и служившаго укрѣпленнымъ мѣстомъ для защиты каравановъ отъ степныхъ разбойниковъ, искавшихъ поживы по всѣмъ главнѣйшимъ торговымъ путямъ. Эмиръ Тимуръ, а затѣмъ Абдулахъ ханъ, сознавая особо важное значеніе, которое имѣетъ торговля для страны, и желая создать безопасное движеніе каравановъ, приступили къ постройкѣ такихъ робатовъ, колодцевъ и водохранилищъ (саргдобъ) по всѣмъ главнѣйшимъ направленіямъ, причѣмъ, какъ сообщаетъ исторія, въ царствованіе Тимура было построено около тысячи, а при Абдулахѣ—болѣе двухъ тысячъ зданій.

Въ настоящее время Султанъ-робать славится своими лошадьми, многіе экземпляры которыхъ могутъ быть признаны почти безукоризненными, имѣя много арабской крови. Достигая иногда цѣны въ нѣсколько сотъ рублей, лошади эти отличаются замѣчательно красивымъ складомъ и большою выносливостью.

Гарцуя на чудномъ гнѣдомъ жеребцѣ, показался на дорогѣ хавшій намъ на встрѣчу туркмень. Отдѣланная серебромъ уздечка,

налобникъ, удила и подперсые сіяли на солнцѣ, мелодично позвякивая въ тактъ хода лошади. Шитый цвѣтнымъ шелкомъ чепракъ, покрывая высокое сѣдло, былъ отдѣланъ по краямъ длинною бахрамою съ кистями. Ярkokрасный халатъ и бѣлоснѣжная чалма какъ нельзя больше гармонировали съ сѣдельнымъ уборомъ и лошадыю. Всадникъ видимо сознавалъ, что онъ представляетъ собою красивую картину.

— Ашна! продай лошадь! крикнулъ я ему, остапавливаясь и любуясь жеребцомъ.

— Хорошо, тура. Продамъ, заговорилъ онъ, смѣло смотря прямо въ глаза.— Но есть ли у туры столько денегъ, чтобы заплатить за эту лошадь?

— А сколько же ты хочешь?

— Видишь ли, тура. Если ты хочешь ее купить, то нѣтъ ничего легче. Принеси мнѣ весь зякетъ, который собираетъ главный зякятчи со всего Бухарскаго ханства и лошадь твоя.

Взмахнувъ нагайкою и весело засмѣявшись, туркменъ прыгнулъ и, легкимъ прыжкомъ заставивъ своего коня перепрыгнуть почти пятиаршинный ровъ, быстро понесся по полю, оставляя за собою клубы пыли.

Отъ Султанъ-робата дорога, подходя все ближе къ Заравшану, вывела насъ къ самому берегу рѣки, на которомъ на значительной высотѣ виднѣлись остатки обширныхъ развалинъ древняго города Керминеха, пріобрѣвшаго въ свое время славу на всемъ Востокѣ своимъ чудными постройками и выдающимися поэтами. Входя въ составъ древне-персидской монархіи, Керминехъ являлся главнымъ городомъ Міянкаля, имѣя большое значеніе въ торговомъ отношеніи, такъ какъ черезъ него проходила торговая дорога отъ Хивы на Кеша и далѣе черезъ Керки на Герать. Крѣпкій замокъ, построенный на высокомъ берегу, господствовалъ надъ всѣмъ лѣвымъ берегомъ рѣки Заравшана, черезъ который при Абдулахъ ханѣ былъ построенъ огромный каменный мостъ на аркахъ, получившій названіе Дульдалой, съ четырьмя башнями для его защиты, по двѣ на каждомъ берегу.

Красивые мечети и дворцы, отдѣланные цвѣтными изразцами, служили украшеніемъ города и вся мѣстность вокругъ него, представлявшая собою огромный садъ, воспѣвалась поэтами, какъ одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ Востока.

Древнія медресе, возникшія еще во времена арабскаго завоеванія, прославили Керминехъ, какъ городъ, въ которомъ процвѣтали науки.

За рѣкою виднѣлось начало древней дороги, выложенной камнемъ, со столбами по сторонамъ.

Переживъ время своего расцвѣта, а затѣмъ постепенно приходя въ упадокъ, старый Керминехъ пережилъ цѣлый рядъ войнъ, пронесшихся надъ этими мѣстами и окончательно разрушившихъ городъ.

Постепенное-же возвышеніе Бухары и новый торговый путь, прошедшій изъ Хорезма (Хивы) черезъ Бухару на Карши, оставилъ Керминехъ въ сторонѣ и постепенно городъ сталъ умирать, теряяъ прежнее значеніе. Землетрясеніе, бывшее въ половинѣ 18 столѣтія, dokonчило дѣло разрушенія и нынѣ старый Керминехъ представляетъ собою лишь огромную площадь, покрытую остатками цвѣтныхъ изразцовъ. Дожди и вѣтры размыли и разрушили стѣны, сравнивая ихъ съ землею; лишь контуры прежнихъ зданій виднѣются вокругъ, заросшіе бурьяномъ и деревьями.

Но удобство мѣстоположенія на Заравшанѣ невольно притягивало къ себѣ и постепенно въ двухъ верстахъ отъ стараго возникъ новый городъ Кермине, являющійся постояннымъ мѣстомъ жительства бухарскаго эмира.

Весь потонувшій въ огромныхъ садахъ, привольно разросшихся, благодаря обилію воды въ арыкахъ Касаба и Ханымъ, на совершенно ровномъ мѣстѣ раскинулся городъ, среди котораго была возведена высокая искусственная насыпь для постройки крѣпости, игравшей нѣкоторую роль въ теченіе прошлаго столѣтія, но нынѣ совершенно утратившей всякое значеніе. Глинобитная стѣна высотой въ 10 аршинъ и толщиной въ 3 арш. съ зубцами окружаетъ значительное пространство, къ которому, отдѣленная лишь узкою улицею, примыкають постройки города. За стѣною, вытянувшись въ одну длинную линію, расположенъ крытый базаръ, похожій на темный корридоръ съ лавками по обѣимъ сторонамъ.

Между первой и второй стѣной, составляющей цитадель, лежать сады, среди которыхъ виднѣется цѣлый рядъ хозяйственныхъ дворовъ эмира, находящихся въ завѣдываніи Керминскаго бека, гостепріимно предложившаго намъ при встрѣчѣ остановиться въ такъ называемомъ посольскомъ дворѣ, лежавшемъ близко отъ воротъ цитадели.

Абду-Кадыръ-бекъ просить васъ считать себя гостями его высочества эмира, сказалъ, встрѣчая меня, живой веселый старый бекъ, крѣпко пожимая руку.—Я всегда радъ видѣть у себя русскихъ и даже самъ немного говорю по русски.

Обширный дворъ съ рядомъ терассъ вокругъ и водоемомъ по серединѣ изображалъ собою посольскій дворъ, служившій какъ бы гостинницею для остановки пріѣзжавшихъ по дѣламъ русскихъ офицеровъ и чиновниковъ дипломатическаго агентства. Нѣсколько помѣщеній туземнаго типа съ желѣзными печами и довольно скверными желѣзными же кроватями, длиннымъ столомъ съ поставленнымъ на немъ досторханомъ и нѣсколькими стульями служили для этой цѣли. Печка чадила немилосердно, а въ коврахъ и одѣялахъ, лежавшихъ горами на кроватяхъ, прыгала тьма блохъ.

Расположившись въ самой большой комнатѣ и принявшись за чаепитіе, мы долго бесѣдовали съ симпатичнымъ бекомъ, пришедшимъ меня навѣстить, какъ стараго знакомаго.

Сидя въ жарко натопленной комнатѣ и снявъ съ себя свой богатый верхній халатъ, бекъ въ своемъ темнаго цвѣта старенькомъ халатикѣ имѣлъ видъ захудалаго причетника.

Грязноватая посуда и еще грязнѣе скатерть въ собственной резиденціи главы государства были такими же, какъ и у каждаго чиновника Бухары. Десятка два сортовъ конфектъ и сластей мѣстнаго производства, тарелки съ изюмомъ и фисташками, заполняли почти весь столъ.

— Какъ поживаетъ бекъ? Давно ужъ мы не видѣлись.

— Да, давно полковникъ, уже съ годъ, не заглядывалъ въ Кермине. Вы спрашиваете какъ я живу. Да развѣ можно плохо жить, пользуясь милостями повелителя, возвеличившаго меня изъ ничтожества. Вѣдь я былъ прежде простымъ аломаномъ (солдатомъ), а теперь имѣю одинъ изъ самыхъ высокихъ чиновъ, чинъ Дотхи. Но все-таки скажу, прежде душа покойнѣе была. Заботъ стало много и старъ становлюсь. Всѣ лошади, хозяйство все, лежитъ здѣсь на мнѣ. Людей въ бекствѣ много и дѣлъ поэтому еще больше. Все надо самому и смотрѣть и рѣшать. Дворъ эмира стоитъ отдѣльно; его я не касаюсь, тамъ есть свои чиновники.

— А можно видѣть эмира? поинтересовался я.

— Нѣтъ, теперь нельзя; онъ уѣхалъ на охоту за Заравшанъ. Дворъ же посмотрѣть можно завтра.

Г л а в а IV.

Эмирскій дворъ.

Рано утромъ, когда еще гдѣ-то въ отдаленіи слышался голосъ азана, выкрикивавшаго основной догматъ мусульманскаго вѣро-

ученія и собиравшаго правовѣрныхъ на молитву, мы встали и сидѣли за чаемъ.

Бекъ уже былъ около моего помѣщенія.

— Можно войти? ломаннымъ языкомъ по-русски спросилъ онъ, подходя къ двери. Кто рано встаетъ, тотъ всегда здоровъ, потирая руки отъ холода, добавилъ онъ присаживаясь. Теперь есть время и я покажу все, а послѣ обѣда мнѣ надо ѣхать, добавилъ онъ, принимая чашку чая изъ рукъ прислуживавшаго красиваго таджика и, разомъ выпивъ ее, снова всталъ. Сейчасъ покажу я вамъ эмирскихъ лошадей, это рядомъ, говорилъ онъ, подойдя къ дверямъ и быстро направляясь черезъ какой то темный переходъ.

Широкій дворъ, съ навѣсами вокругъ, казался еще больше при яркомъ солнечномъ освѣщеніи. Длинный рядъ лошадей, поставленныхъ подъ навѣсами, и вся середина двора съ лошадьми, стоявшими на приколахъ, представляла собою красивую картину. Покрытые съ головой попонами съ капорами виднѣлись десятки коней, красиво изогнувъ шеи и глядя сквозь прорѣзи капоровъ своими блестящими живыми глазами.

При ближайшемъ ихъ осмотрѣ явилось невольное разочарованіе. Раскормленные огромнаго роста жеребцы оказывались съ большими пороками, поражая то совершенно разбитостью ногъ, то страшною сѣдлистостью, то колоссальными отеками и мокрецами.

— Вотъ эта самая лучшая лошадь, указалъ бекъ на гнѣдого жеребца, стоявшаго въ сторонѣ. Самъ эмиръ на немъ ѣздитъ. Дорого стоитъ. Тысячъ пять, а можетъ быть больше.

— Но почему же такъ дорого? удивился я, смотря на экземпляры съ полнымъ отсутствіемъ какихъ либо статей.

— Покойный и иноходъ имѣеть. А кромѣ того, на байгѣ одинъ разъ черезъ людей вмѣстѣ съ эмиромъ перепрыгнулъ. Здѣсь стоятъ лошади, которыхъ купили въ Россіи — эти два вороныхъ жеребца для экипажа. Тамъ также для экипажей. А здѣсь все верховыя. Завѣдуетъ лошадьми вотъ этотъ чиновникъ, Мирахуръ-баши.

— А гдѣ же арабскіе кони? спросилъ я, слышавъ отъ кого-то о томъ, что въ конюшняхъ эмира есть удивительныя по красотѣ лошади.

— Арабовъ нѣтъ. Всѣ имѣютъ хорошую кровь. Но только теперь такихъ лошадей изъ Аравіи нѣтъ. При прежнемъ эмирѣ, Мозаферъ-ханѣ, были. Говорятъ, у Ката-тюри есть, нѣсколько. Ну, онъ еще молодой, ему нужно.

Шитыя золотомъ попоны красивымъ рядомъ выложены были на кошмѣ въ особомъ помѣщеніи. Украшенные бирюзой, сереб-

ромъ и золотомъ сѣдельные приборы всё были крайне грубой мѣстной работы и, лишь въ общемъ, надѣтые на лошадь, представляли собою красивыя украшенія. Но каждый предметъ, взятый отдѣльно, благодаря грубой топорной отдѣлкѣ, не казался красивымъ.

Съ большимъ разочарованіемъ мы вышли со двора и, пройдя нѣкоторое разстояніе по переходамъ, остановились передъ другимъ дворомъ, у воротъ котораго видѣлся бухарскій часовой въ формѣ Терскаго казачьяго войска, но въ высокихъ сапогахъ, съ огромными остроконечными каблуками.

— Здѣсь стоитъ артилерія. Пушки подарилъ Государь Императоръ, пояснилъ бекъ, указывая на рядъ орудій, стоявшихъ на серединѣ двора.

Рядъ вороныхъ лошадей мѣстной породы вытянулся длиною линіею около коновязи подъ навѣсомъ, а сбоку, сквозь открытыя двери, виднѣлись небольшія помѣщенія для солдатъ. На всемъ лежалъ отпечатокъ какой то запущенности и эта лучшая гвардейская часть бухарской арміи далеко не имѣла того вида, къ которому привыкъ глазъ военнаго человѣка.

Высокій представительный узбекъ въ халатѣ и чалмѣ подошелъ къ намъ.

— Это Карауль-беги, онъ завѣдываетъ пушками, отрекомендовалъ мнѣ бекъ бухарскаго артилерійскаго офицера, почтительно поклонившагося.

— Очень карошъ пушки, по-русски сказалъ тотъ, оглаживая рукою оружіе. Амператоръ подарилъ. Амиръ очень ихъ любитъ...

— Что же, производите вы изъ нихъ стрѣльбу? поинтересовался я, видя какъ онъ увѣренно открылъ затворъ.

— Нѣтъ, не стрѣляемъ... Когда пріѣзжалъ къ намъ русскій офицеръ, такъ показывалъ, какъ стрѣляютъ и говорилъ, что пришлютъ снаряды. Только не прислали, должно быть позабыли. Изъ старыхъ пушекъ у насъ всегда стрѣляютъ холостыми, когда праздникъ...

Осмотрѣвъ эту никому и ни для чего не нужную батарею, не могущую произвести выстрѣла, я отправился посмотрѣть на резиденцію эмира въ сопровожденіи Карауль-беги.

Огромный садъ, окруженный высокимъ глинобитнымъ дуваломъ, еще издали выдѣлялся изъ окружающихъ построекъ.

— Это дворъ амира, указалъ рукою Карауль-беги. Входъ съ другой стороны, вонъ оттуда, съ той улицы.

Высокія ворота туземной конструкціи, открытыя настежь, давали возможность видѣть внутренность двора, вокругъ котораго со всѣхъ сторонъ шли крытые навѣсы съ дверями, ведущими въ помещенія.

— Этотъ дворъ для войска и чиновниковъ, а дальше второй дворъ, гдѣ живетъ самъ амиръ; за этимъ старымъ дворомъ есть еще третій дворъ — для женщинъ. Но туда никто ходить не можетъ.

По двору сновали бухарскіе чиновники въ обыкновенныхъ халатахъ; у воротъ виднѣлось два часовыхъ въ похожей на русскую формѣ, но въ авганскаго фасона барашковыхъ шапкахъ. На площадкѣ, противъ воротъ, выстроившійся карауль отдалъ честь, довольно чисто сдѣлавъ приемы.

Сбоку, около воротъ, виднѣлось двухъ-этажное небольшое зданіе, къ которому со всѣхъ сторонъ проходили проволоки, а круглые фонари на стѣнахъ указывали, что это электрическая станція.

И эти фонари какъ-то плохо гармонировали съ общимъ видомъ двора, мало походяго на резиденцію главы государства.

Уставшій и въ сущности сильно разочарованный видѣннымъ, я возвратился въ посольскій дворъ.

— Завтра можно будетъ той смотрѣть, утѣшалъ меня бекъ.

— Что такое за той?

— По нашему празднество. Бекъ изъ Нуръ-ата пріѣхалъ по случаю обрѣзанія сына, будетъ недалеко отъ Кермине, верстахъ въ трехъ, праздникъ дѣлать. У насъ такой обычай. Когда сынъ родится и когда ему время обрѣзаніе дѣлать, всегда эти дни празднуютъ. Въ Кермине часто праздникъ справляютъ. По обычаю каждый бекъ долженъ въ теченіе года сдѣлать одинъ или два праздника на свой счетъ для эмира. Хотя такой бекъ и не бываетъ самъ на лицо, но одинъ изъ чиновниковъ, по назначенію эмира, его замѣняетъ и бываетъ въ этотъ день хозяиномъ. Всѣ расходы же несетъ бекъ, который устраиваетъ праздникъ. Эмиръ потомъ шлетъ ему письмо и благодарить, а бекъ, въ свою очередь, долженъ послать подарки чиновнику, который его замѣнялъ. Большой расходъ въ такой день бываетъ, вздохнулъ бекъ, видимо вспомнивъ свои траты въ подобномъ же случаѣ.

Рѣшилъ посмотрѣть на праздникъ, но мнѣ въ тоже время не хотѣлось выдѣлаться своею формою, а потому, прѣстившись съ бекомъ и сказавъ, что ѣду дальше въ Бухару, я, выѣхавъ за Кермине, оста-

новился и, надѣвъ чалму и халатъ, превратился въ средняго достатка правовѣрнаго, чему вполне гармонировали сѣдельный уборъ и въюки мѣстнаго же образца.

— Такъ якши, одобрилъ Нуретдинъ. Совсѣмъ какъ бекъ теперь тюра. Никто и не узнаеть. И грѣха нѣтъ въ томъ, что тюра мусульманскую одежду надѣлъ—вѣдь не для зла это онъ сдѣлалъ. Вотъ, когда переодѣваются на разбой, на конокрадство—это не хорошо.

— А бываютъ развѣ часто разбой?

— Часто, тюра. Злыхъ людей вездѣ много: своимъ не довольны, все хотятъ больше и отнимаютъ у другихъ. Когда темная ночь, такъ богатый человекъ спать не можетъ, надо свой домъ караулить отъ злыхъ людей, а то живо зарѣжутъ. Вотъ недавно здѣсь, въ Султанъ-робатъ, зарѣзали купца, страсть богатый былъ. Всѣ деньги, лошадей, все увезли. Но только сосѣди и родные утромъ увидѣли и поскакали по слѣду. Цѣлый день гнали, а все-таки изловили двухъ человекъ.

— Что же было за это разбойникамъ? заинтересовался я. Судили ихъ?

— Нѣтъ, тюра. Хотя если доставить къ беку—будетъ судить и потомъ прикажетъ зарѣзать, но только это деньги стоятъ. Надо беку и его людямъ дать.хлопотъ много. Такъ люди больше сами справляются. Когда поймаютъ такихъ, сейчасъ же вяжутъ, а потомъ разведутъ соли фунтъ-другой въ водѣ и нальютъ разбойнику въ горло. Пройдетъ онъ по жарѣ два-три часа, потомъ ляжетъ и уже Азраилъ тутъ же приходитъ за душою, вынимая ее изъ брэннаго тѣла. Соль съѣстъ всю кровь. Потомъ ужъ душа идетъ на судъ Аллаха.

Мы двинулись, довольно быстро обгоняя пѣшеходовъ и всадниковъ, также ѣхавшихъ по одному съ нами направленію. Нѣкоторые, внимательно осмотрѣвъ насъ съ головы до ногъ, равнодушно отворачивались; уже не обращая никакого вниманія.

Заинтересовавшись словами Нуретдина, я спросилъ его о судѣ души.

— Какъ же рассказываютъ вамъ люди, какой-же судъ надъ душою бываетъ?

— Ахъ, тюра! Когда ангелъ Азраилъ вынимаетъ душу изъ тѣла умершаго, онъ приноситъ ее къ подножнію лучезарнаго престола Аллаха, но не видитъ душа Милосерднаго и лишь слышитъ голосъ Милостиваго. И скажетъ Милосердный: «Суди себя, душа,

за все сдѣланное тобою въ теченіе жизни». И полетѣтъ тогда передъ престоломъ мутная быстрая рѣка изъ однихъ слезъ.

И скажетъ Милосердный: «Это слезы людей, обиженныхъ тобою».

Страшно станеть душѣ, вспомнить она всю свою жизнь, несчастья, обиды, голодь и холодъ и скажетъ: «О, Милостивый, но здѣсь и мои слезы, много въ несчастьяхъ пролитыя».

Сдѣлается снова ручей чистый, какъ хрусталь, и прозрачный, какъ голубое небо. Укажетъ на него Милосердный: «Это слезы матери твоей».

Испугается душа и заговорить, ожидая тяжкаго наказанія: «Лишь въ этомъ одномъ виновата я, Милосердный, Милостивый, здѣсь нѣтъ моихъ слезъ».

Взвѣситъ тогда Аллахъ на вѣсахъ справедливости всѣ дѣла души и скажетъ: «Много ты грѣшила, но посмотри, сколько слезъ пролила мать твоя и искупила она уже ими почти всѣ грѣхи твои. Иди омойся въ ея слезахъ и будешь снова чистою, какою я тебя создалъ».

Широкій берегъ Заравшана издали пестрѣлъ цвѣтными палатками. Казалось, что въ этомъ мѣстѣ огромный базаръ. Люди съ лошадьми толпились на равнинѣ, оставляя широкое свободное мѣсто передъ открытою большою цалаткою, въ которой виднѣлись, будто цвѣтникъ всѣхъ оттѣнковъ, роскошные золотые, бархатные и шелковые халаты бухарскихъ сановниковъ, окружавшихъ тѣсною группою сидящаго на возвышеніи эмира ²⁾, одѣтаго въ темный, вишневаго цвѣта халатъ съ богатою шитою золотомъ чалмою на головѣ.

Красивое лицо повелителя Бухары съ властнымъ взглядомъ рѣзко выдѣлялось изъ группы придворныхъ. Темные глаза его внимательно наблюдали за борьбою двухъ атлетовъ, возившихся на плотно утрамбованной площадкѣ.

— Ты, тюра, здѣсь лучше молчи, шепнулъ мнѣ Нуретдинъ. Смотри и молчи, пожалуйста, а то не хорошо будетъ.

Я вынужденъ былъ съ нимъ согласиться, а потому, поставивъ лошадей на приколъ и съ трудомъ протискавшись въ первый рядъ зрителей, началъ внимательно наблюдать за происходившимъ.

Странствующій по Средней Азій циркъ, абонированный на праздникъ, продѣлывалъ довольно знакомые номера подъ звуки небольшого оркестра изъ 4—5 человекъ. Слышался грохотъ ба-

2) Покойный нынѣ эмиръ Сеидъ-Ахадъ-ханъ.

рабана и оглушительно ревѣли туземныя трубы. Звуки бубна смѣшивались съ зурною и, покрывая все своимъ гуломъ, гремѣль оглушительно, не переставая, турецкій барабанъ съ аккомпаниментомъ пицалокъ и трубъ. Иногда происходилъ перерывъ цирковыхъ номеровъ и вмѣсто нихъ являлись туземные силачи, начинавшіе борьбу. Одѣтые въ толстые желтоватые верблюжьи халаты, мускулистые люди долго возились другъ съ другомъ, вызывая одобрительные возгласы толпы.

Солнце близилось къ полудню. Вдругъ безстрастно смотрѣвшіе на представленіе глаза правителя вспыхнули недобримъ огнемъ и темныя брови сердито насупились, исказивъ красивое лицо вспышкою гнѣва. Нагнувшись въ полъ-оборота къ почтительно стоявшему сзади какому-то изъ сановниковъ, онъ рѣзкимъ голосомъ сказалъ нѣсколько словъ.

Моментально группа человекъ съ десять нукеровъ кинулась въ толпу и схватила сидѣвшаго невдалекѣ отъ насъ бухарскаго еврея, одѣтаго въ богатый халатъ. Скрутивъ ему руки на спинѣ и подталкивая сильными пинками, вся эта куча людей быстро, будто огромный клубокъ, покатилаь черезъ открытое мѣсто и скрылась за толпою, откуда слышались черезъ минуту отчаянные, душу раздирающіе, крики. Нуретдинъ, напряженно смотрѣвшій на эту сцену, потянулъ меня за рукавъ и увлекъ къ лошадямъ, стоявшимъ на приколахъ.

— Садись, тюра, ѣдемъ, а то не хорошо здѣсь, шепнулъ онъ мнѣ, поддерживая стремя.

Волна народа между тѣмъ сразу, будто по командѣ, шархнула въ сторону, откуда раздавались крики, образовавъ густую стѣну, закрывшую все.

Сѣвъ на лошадь и оглянувшись назадъ, я видѣлъ лишь море головъ и, невольнымъ жуткимъ чувствомъ, охватившимъ меня, тронулъ лошадь. Цѣлая масса туземцевъ, вскочившихъ на лошадей, повеслась мимо насъ, поднимая облако пыли, вслѣдъ за толпою.

Ужасные, душу раздирающіе, крики продолжали нестись не переставая.

— Въ чемъ дѣло, Нуретдинъ? спросилъ я, когда мы отъѣхали на порядочное разстояніе.

— Ахъ, тюра, нехорошее дѣло. Эмиръ что-то разсердился на этого джюгюда (еврея) и приказалъ его рѣзать.

— Какъ рѣзать? переспросилъ я, не уясняя себѣ сказаннаго.

— Такъ, тюра, повалить на землю и горло ножомъ рѣзать будутъ, пока не умретъ. Потомъ все имущество эмиръ прикажетъ въ

казну взять. Нехорошо смотрѣть тебѣ на такое дѣло, а узнаеть если кто, что русскій тюра видѣлъ, много несчастій для людей будетъ. И Абдукадырь-бекъ, и миршабы, и есаулы, всѣ виноваты будутъ, что пропустили тюру на той. Когда эмиръ веселится, тогда русскихъ никогда не пускаютъ. Мало-ли что бываетъ—свои люди ничего не скажутъ, а эмиръ не любитъ, чтобы про такія дѣла уруссы знали. Консулъ тоже ничего не знаетъ. Можетъ знаетъ, но не видитъ, чего не слѣдуетъ, докончилъ мой философъ свои разсужденія.

Подавленный слышаннымъ, я долго ѣхалъ молча. Случай приподнявшій завѣсу, закрывавшую условія жизни населенія Бухары, страшно поразилъ меня и отчаянные крики казненного долго оставались въ памяти, а воображеніе невольно рисовало ужасную долгую картину казни, во время которой толпа равнодушно смотритъ на этотъ актъ, такъ мало отвѣчающій взглядамъ европейцевъ.

Заглянувъ случайно за завѣсу, скрывающую жизнь цѣлаго народа, невольно потянуло скорѣе къ станціи желѣзной дороги, самый видъ которой успокоительно подѣйствовалъ на нервы, заставивъ сознать, что находишься уже на русской линіи, съ русскими гуманными законами, на территоріи Россіи.

Движеніе, начавшееся на станціи въ ожиданіи поѣзда, немного развлекло и заставило меня забыть видѣнное.

— Только никому не говори, тюра, что ты видѣлъ—мнѣ будетъ не хорошо, были послѣднія слова бухарца при прощаніи.

Я промолчалъ, чувствуя, что не исполнилъ бы обѣщанія.

Д. Логофетъ.

